

Д.Б.Рамазанова (Казань)

О НЕКОТОРЫХ ОБЩНОСТЯХ ГОВОРА ПЕРМСКИХ ТАТАР
С ПЕРМСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Как известно, говор татар современной Пермской области сформировался изолированно, в иноязычном окружении. При этом основная и решающая роль принадлежала поволжско-тюркскому компоненту болгарского времени, о чем убедительно свидетельствуют как языковые, так и исторические и археологические данные (подробнее см.: Рамазанова 1970: 263-271; 1974: 92-112). Вместе с тем в говоре пермских татар выделяется ряд и других пластов особенностей, каждый из которых соотносим с определенным этническим компонентом, принявшим участие в этногенезе этой этнографической группы татар. Так, например, четко прослеживается связь говора пермских татар с восточно-тюркскими языками. Выявлена общность с отдельными диалектами башкирского языка (Рамазанова 1983: 137-154). Языковые данные показывают также и то, что поволжско-тюркский компонент вошел на новом месте в контакт с местными племенами. В дальнейшем пермские татары продолжали находиться в контакте с пермоязычными народами в условиях существования на смежной территории. Происходило взаимодействие и между их языками.

Исследователи неоднократно обращались к вопросам влияния тюркских языков на пермские (Кельмаков 1965: 53-55; Тараканов 1985; и др.). Обращение же к фактам взаимовлияния отдельных говоров разносистемных языков позволяет проследить пути движения и семантического развития того или иного слова. Например, в коми языке бытует слово аргыш в значениях "косяк мелкой рыбы", "стая ребятишек, сопровождающих свадебный обоз" (об этом любезно сообщила нам Р.М.Баталова). В ижемском, печорском диалектах коми языка аргыш "олений обоз из пяти-семи грузовых нарт" (КЭСК, 33). Активное употребление имеет данное слово в говоре пермских татар: аргыш "супружеские пары, сопровождающие невесту в дом

жениха" (обычно такой обоз составляет несколько упряжек, а на последней везут гостинцы и подарки). Это слово как этнографический термин выступает и в говорах* крещеных татар (ТТДС, 43). Весьма уместно сопоставление его с уйгурским аргыш "караван", т.к. исследуемый говор по ряду архаичных черт проявляет особую общность с уйгурским языком. Слово аргыш, видимо, было привнесено в данный говор восточнотюркским компонентом, т.е. предками носителей уйгурского и алтайских (хак. аргыс, алт. аргыс, аргыш, шорск. аргыш "товарищ"; также и якут. аргыс "попутчик") языков. Связующим звеном между говором пермских татар и восточнотюркскими языками выступают сибирские диалекты татарского языка (Рамазанова 1983: 142-146).

В данной статье будут вкратце рассмотрены особенности говора пермских татар, объяснимые на материале финно-угорских языков.

В области фонетики. В определенной группе слов систематически употребляется мягкий, почти щелевой вариант переднеязычного т, обозначаемый нами т', а в поздних заимствованиях выступает и его звонкий вариант д'. Кроме того, в говоре пермских татар употребляется сильно палатализованный вариант сонорного л - л'. Апикальный л' наблюдается также и в смежных русских говорах и рассматривается исследователями как влияние финно-угорских языков (Смолякова 1959: 302). В оценке причин наличия палатализованных т', д', л' в говоре пермских татар мы придерживаемся такого же мнения. Употребление палатальных т' и л' зафиксировано и в говорах причепецких татар, сформировавшихся в условиях непосредственного взаимовлияния с удмуртским языком (Бурганова 1962: 27, 29; Баязитова-Бурганова 1986: 94).

Обращает на себя внимание то, что они выступают либо в тематических группах лексики; характеризующихся большей устойчивостью (термины родства, названия частей тела и т.д.), либо в диалектизмах: эти/ат' и "папа", т'эпи "ножка", кыт'ык "щекот-

---

* Сравнительный материал по другим говорам татарского языка приводится из работы "Татар теленең диалектологик сүзлеге" (Казан: Тат. кит. нәшр., 1969), а по другим языкам - из их двуязычных словарей.

ка", бет'еки "маленький", т'ит'и "цветок", и т.д.; бот'ока "жидкая грязь, жижа", т'өней/түни "валенок", л'амбык "коренастый", л'апайу "вдавливаться, мяться", отсюда л'апак "клоп" (букв. "плоский") (< мар. лап "низина; низкий; низко"); л'ыңку "болтать, без конца разговаривать", отсюда прилагательное л'ыңкыл "человек зря и много болтающий", қарамал' "черника" и т.д.

Рассматриваемые звуки отразились и в усвоении заимствованной более позднего времени. Например, они выступают в определенной позиции в русских заимствованиях: инт'ирнат "интернат", т'үркә "терка", пат'ир "квартира", д'ириктыр "директор", суд'ийә "судья", буд'илник "будильник", ышкол'а "школа" и т.д.

В области лексики. В исследуемом говоре имеются такие финно-угорские заимствования, которые отсутствуют в других татарских говорах или имеют узколокальное распространение.

Әмеже (редко: меже/әмеже) "малина"; отсюда әмежелек "малинник", әмеже пирук / эмеже пирук "пирожок, начинкой которого является малина". Примеры: Бик шәб жийып килделәр беркенне әмеже, берерле бидра жийып килгәннәр ийе. "На днях очень много принесли малины, примерно по ведру собрали". Әмежегә иртәге йақта барырга кәрәк була, кеше кулы тимәстән алда. "За малиной нужно идти пораньше, прежде чем кто-нибудь не собрал". Йырак тегел әмежелек, бул йақта. "Малинник недалеко, на этой стороне". Иртәгә кичкә әмеже пирук пешерербез. "Завтра на ужин испечем пирожки с малиной". Тордом да мичкә йақтым, әпәй қатырдым, әмеже пирук йасалым. "Встала и истопила печь, тесто для хлеба замесила, сделала пирожки с малиной".

Слово әмеже восходит к коми Ѣмидз, зафиксированному еще в словарях конца XVIII в. (Баталова 1967: 71). Оно имеется в удмуртском языке (эмезь), общепермским считается эмеж' "малина" (КЭСК, 2II). Говору пермских татар свойственна систематическая замена звука э' заимствований целевым ж татарского языка. То, что оно в переднеязычной огласовке, связано с среднерядным характером начального Ѣ в коми Ѣмидз. Любопытно, что наличием конечного гласного пермско-татарское әмеже совпадает с предполагаемым допермским вариантом *эмеҗ'е "малина" (КЭСК,

Мал' // мәл в составе лексем қарамал' / қарамәл "черника", күкмәл' / күкмәл "голубика". В златоустовском говоре: кертмәле // кертмәлек "брусника", иногда "ежевика" (Хайрутдинова 1985: 132). В ичкинском: кертмәлек "клюква". В башкирском языке қара кертмәле "черника", қызыл кертмәле "брусника". Нам кажется, это сложное слово состоит из керт (?) и рассматриваемого нами мәл.

Слово мал' восходит к слову моль, распространенному в диалектах коми языка и других пермских языках: ср. удм. нормульы "клюква", где нор "болото" + мульы "косточка плода; орех и т.д." в коми-язьвинском диалекте тури мул'и, термул'и "клюква" (Лыткин 1961: 187-188); коми моль "пуговка, косточка, бусинка", нормоль "клюква"; общепермское *mol'i (КЭСК, 173).

Үжин "снегирь": Үжин йазғыда киле қый, қызыл түшле була қый ул. "Снегирь ведь прилетает весной, красногрудым бывает ведь он".

В других говорах татарского языка это слово отсутствует. В говорах коми-зырянского языка, в коми-пермяцких говорах имеется слово жон', жон'кай, в удорском говоре коми-зырянского языка жойна (Лыткин 1955: 99), в коми-язьвинском диалекте жун' жун'ән, жун'ис) (Лыткин 1961: 114).

В числе общих с пермскими языками слов можно рассматривать и лексему т'үни (варианты т'үней/т'өней), видимо, также древнее заимствование, т.к. семантика его в разных подговорах говора пермских татар получило несколько различное развитие. В бардымском подговоре оно выражает "валяные из шерсти носки", тогда как в кунгурской группе подговоров оно обозначает "валенки". Последнее в бардымском подговоре передается татарским литературным итек//кийез итек. Примеры из кунгурских подговоров: Т'үни басушылар безгә Казан жағыннан киләләр ий. "Цимокаты, бывало, приезжали к нам из Казани (букв. из казанской стороны)". Т'өнейгә оltан салалар. "Валенок подшивают". Пример из бардымского подговора: Мин әчтән т'өней кийеп жатам қый, сарык жәннән қына итеп әләгән. "Я ведь (когда ложусь спать) одеваю на ноги войлочные носки, мягкие, сваленные из овечьей шерсти". На основе данного слова образованы новые понятия: калуш т'үни "войлочные боты", чобар т'үни "валенки с узорами". Пример: Чобар т'үниләр кийәйек, қызыл белә, кәзәмбир белә т'үни басалар ий, қунаққа

чықканда ғына кийәйек. "Бывало, носили валенки с узорами, бывало, катали валенки с красными кашемировыми нитями, одевали их только на выход".

Данное слово имеет ограниченную территорию распространения. В варианте туни "валенки" зафиксировано еще в татарских говорах Свердловской области. В присыктывкарском диалекте коми-зырянского языка т'ун'и "валенки" (Лыткин 1955: 122). В коми языке тюни "валенки, ишмы, обувь из валяных головок с пришитыми суконными голенищами" предполагается, хотя и под вопросом, заимствованием из русского языка: КЭСК, 294). Возможно, уместно сравнить его с русскими чуни, чуны, чунги, широко распространенными в значениях "валенки", "суконные портянки", "зимние утепленные лапти" и т.д. (Даль, 1377).

Можно предполагать и об одновременном заимствовании слова туни и коми, и татарами из общего источника.

В говоре пермских татар употребляются выражения бышмыны чабата "лапоть с холщовым верхом", бышмыны кыжжырык "обушь из шкуры с холщовым верхом". Корнем слова бышмыны является пыш: к. пыш "конопля", удм. пыш "кудель, конопля", мар. муш "пенька, кудель", морд. мушка, мушко "волокно" (отсюда мишарское мошко: Махмутова 1962: 150), общепермское *ра̋с "конопля" (КЭСК, 238).

Изоглосса слова бышмыны ограничена: соседние златоустовский и красноуфимский говоры и башкирские говоры современной северо-восточной Башкирии.

Заимствованиями из финно-угорских языков являются также слова ләпкәйтү "делать плоским, низким, сплющивать", ләпәйтү "вдавливать, раздавливать, проминать; задавить" (< к. лапитны "сплющивать, расплющить", лапкбдны "катать, раскатать": КЭСК, 157); ластырау "висеть, свисать" (< мар. лыстараш "делать слабее, распускать что-л.") и т.п.

Таковы некоторые особенности говора пермских татар, общие с пермскими языками.